

Смирнов Г.С.

Ивановский государственный университет,

доктор философских наук, профессор.

МУЗЕЙНАЯ КУЛЬТУРА ВЕЗДЕ-ВЕЧНОСТИ: СИНТЕЗ НООСФЕРНОГО СОЗНАНИЯ Д. Г. БУРЫЛИНА

В системе музейного цикла наук есть дисциплина, которая является своеобразной его вершиной – это *музеософия*. Когда под одной крышей собираются все музеи, но создается особая аура мудрости, глубинного понимания смысла бытия. Истоки такого метамузейного дискурса ведут свое начало с трудов Н. Ф. Федорова.

Планета как музей Вселенского бытия человечества

Современный музей – это глобальное (и может быть даже космическое) явление. В таком своем качестве он может быть представлен как главный образовательный ресурс. В Иваново-Вознесенске таким феноменом был музей промышленности и искусства, созданный Д. Г. Бурьлиным: музей мирового культурного синтеза, в котором слились межконфессиональные и поликультурные формы. Сначала это информационно-культурное пространство было моделью мировоззренческого оттогеноза – формирования сознания одного человека, а затем – стало способом образовательного бытия для целых поколений горожан – своеобразного культурно-регионального филогеноза. (Теперь – после выхода в свет «визитницы Д. Г. Бурьлина» - уже можно сказать, что само творение – музей Д. Г. Бурьлина есть визитная карточка нашего региона).

В третьем тысячелетии миссия музей заметно изменяется, ибо в информационном обществе пространство между вещью и ее семиотической формой становится почти незаметным, образ -3D фактически делает вещь материальной в ином информационно-виртуальном смысле, любая вещь мира оказывается своего рода музейной вещью. Если раньше человек

путешествовал, представляя, что весь мир музеев под открытым небом, то теперь все вещи мира приходят в нему под его домашнюю крышу – так вся планета делается своего рода музеем человеческого бытия, а значит единым университетом, единым культурно-образовательным пространством (говоря на языке Д. Г. Бурылина – единым музеем промышленности и искусства).

От «здесь-и-сейчас» к «везде-вечности»

Современный техногенный человек («постчеловек») живет в бытийном отсеке, который можно было бы обозначить как «здесь и сейчас», ибо он выполняет очень жесткий набор функций, обладая конкретным набором компетенций. В этом смысле – он винтик огромного механизма человеческой техногенной цивилизации: так порождается отчуждение от универсума, от организма Вселенной. Наше время это время создания планетарной искусственной среды, масштабы которой так обширны, что белых пятен естественной среды обитания становится все меньше (есть страны, где площадь естественной среды обитания не превышает нескольких процентов). Искусственная техно-материальная среда приходит в дисгармонию не только с природной (биосферной) средой, но и с духовно-культурной средой семиотического бытия человечества...

Современное общество постепенно осознает, что социоприродное устойчивое развитие достигается только поиском способов гармонизации материального и духовного производства, духовной и материальной культуры. В условиях экологической напряженности особую роль начинают играть материальная и духовная благотворительность – ответственное желание «аксиочеловека» поделиться с *миром людей* добытыми богатствами. Для Д. Г. Бурылина такого рода альтруизм был связан в значительной мере с его религиозно-конфессиональной конституцией, формировавшейся в течение нескольких столетий истории его рода. Самая яркая черта глобальной духовной благотворительности Д. Г. Бурылина – *благоговение перед жизнью* мировой культурой.

«Экология души»

Д. Г. Бурылин оставил потомкам удивительно точно выраженную мысль о смысле его музея – «музей – моя душа». Обычно мы понимаем эту мысль в переносном (редуцированном) смысле, но давайте попробуем понять ее в платоновском смысле, который мог быть весьма близок к религиозному пониманию мира, характерному для старообрядческой модели сознания (той модели, которая в течение веков формировалась как образ рублевской «Троицы»). (П. А. Флоренский, сформулировавший в письме В. И. Вернадскому представления о пневмосфере, вышел за рамки традиционного понимания ноосферы как сферы труда и разума цивилизованного человечества; его пневмосфера – сфера бытия душ, а не только сфера форм культурной наполненности.)

Свое отношение в мировой культуре Д. Г. Бурылин отразил в личностно-персоналистическом отношении к открытой мировой культуре. Музейно-собирательский пафос деда Диодора внук, опираясь на материальное богатство, перевел в музейное мессианство, своего рода сосредоточение всей мировой культуры в пространство личностно-регионального бытия. В музее промышленности и искусства Д. Г. Бурылина перед нами открываются не только душа собирателя, но и *душа, дух и разум* человечества. Синтез всех этих трех ипостасей и следовало бы понимать как индивидуальное ноосферное сознание Д. Г. Бурылина (Не исключено, что именно эта интенциональность бурылинского ноосферного сознания дала возможность в истоках, а затем и во всей полноте проявиться ноосферной региональной философии.)

«Дазайн» (подлинное бытие) для Д. Г. Бурылина – это неразрывная связь души человека с его музейно-материальной средой обитания, с мировой культурой, которая вписывается в систему его корневых космо-географических (языческих) и монотеистических (в данном случае старообрядческих и единоверческих) верований и вер. Синтез мировых культур – один из первых примеров формирования культурно-

глобалистского сознания на иваново-вознесенской (до известной степени стародубской архаической) почве, которая, следует признать, дала не только Д. Г. Бурылина, но и сказочника А. Роу, и братьев Весниных, и Бенардоса, и Андрея Тарковского и многих других представителей сознания «промышленности и искусства».

«Везде-вечность» личности и сознания Д. Г. Бурылина проявляется в том, что все, что им собрано, реально представлено в музейной экспозиции (в музейной экспозиции насчитывается 700 тысяч экспонатов) или в виртуальной форме (экспонаты из собрания Д. Г. Бурылина, находящиеся в других музеях, сфотографированы и дают представление о целостном бурылинском музейном Универсуме). Именно так здесь-и-сейчас музейное пребывание превращается в музейную везде-вечность, так соприкасаются микрокосм и макрокосм культурного бытия. Бытие человека в вещах (артефактах) перерастает в семиотическое бытие человека – бытие в бесконечном знаковом пространстве и времени. В этом смысле «музейный человек» предстает как одна из первых форм «человека нооферного» - человека, в котором, несмотря на его материальное *пребывание*, высшими оказываются душевные, духовные и *разумные* императивы. Д. Г. Бурылин очевидно и представляет собой человека, в личности которого *религиозно-конфессиональная организованность* никогда не подчинялась конкретно-историческим условиям государственного или общественного насилия, а музей потому и был своеобразной общечеловеческой миссией, которая может быть названа репрезентацией души. Музей Д. Г. Бурылина – это своеобразная знаково-семиотическая Гиперурания, где живут эйдосы, познакомившись с которыми, человек на всю жизнь оказывается под их обаянием и продолжает аксиологическую традицию человеческого всебытия – присутствия в везде-вечности.